

Вероника спустилась в общий зал. На ней были лишь туфельки, чёрная грация да чулки. В распущенных волосах алела роза. Трусиков на ней не было, и тёмное пятно лобка резко выделялось на фоне ослепительных ножек. Клиент ждал в углу на диване. Это был сморщенный старикашка в генеральском мундире, один из завсегдатаев заведения. Должно быть, он мнил себя Аленом Делоном и выглядел из-за этого очень смешно, ибо и по внешности, и по манере держаться куда больше напоминал героев де Фюнеса. В постели он имел обыкновение хвастаться своей блестящей карьерой от сына батрака до генерала и учил девочек, как жить. На что-либо другое его обычно не хватало. И ещё генерала отличала поразительная способность выставлять себя в самом идиотском виде. Вот и сейчас, наказав Вике встречать его в поистине классическом наряде шлюхи, он не придумал ничего лучшего, чем нацепить парадную форму с полным набором «боевых регалий».

В ожидании девушки генерал грыз ногти да так увлёкся, что не сразу увидел её. Но когда наконец заметил, как истый джентльмен, бросился навстречу. Чмокнул своими выцветшими губами в обнажённое плечо (выше достать не мог) и, не теряя времени даром, с редкой для своего возраста поспешностью потащил её вверх по лестнице в комнату. Находившиеся в зале бармен с фотографом лениво глядели вслед удаляющейся паре. Сочетание помпезного генеральского мундира с голой девичьей задницей, дерзко играющей всеми своими восхитительными округлостями, было на редкость комично. Фотограф вяло улыбнулся и сплюнул.

Тщательно заперев за собой дверь, старик облегчённо выдохнул и плюхнулся на широкую двуспальную кровать под голубым шёлковым балдахином. Вероника хорошо знала, что от неё требуется. Высвободив из-под грации груди, она застыла навтыяжку, предоставив генералу беспрепятственно любоваться её прелестями.

Старик долго сосредоточенно изучал Вику, время от времени подавая команды. Пройтись по комнате: повернуться задом: нагнуться: сесть на пол: лечь: встать «раком»: на четвереньки: Говорил он громко и отрывисто, точно сержант на плацу или дрессировщик в цирке. Наконец, вдоволь налюбовавшись этим причудливым спектаклем, старый сатир замолк. Не дожидаясь особого приглашения Вероника начала его раздевать.

Освободив своего кавалера от одежды, она принялась целовать его костлявое тело, ласкать давно уже потерявший былую удаль член. Вика жала его руками, брала в рот, тёрла о соски, но всё безрезультатно. Видному советскому военачальнику напрочь отказывалась подчиняться собственная плоть. Сказочное свинство! Однако генерал, видно, уже привык к тому и лишь обречённо махнул рукой.

Вика перешла к следующему номеру программы. Скинув грацию и оставшись в одних чулках, она включила стоявший рядом с постелью магнитофон. Комнату заполнила томная восточная мелодия. Лёжа перед стариком на постели, Вероника принялась играть в такт музыке грудями, сладострастно извиваться, трясти низом живота. По мере того как музыка делалась всё жарче и зажигательнее её движения становились всё более развязанными, а начиная с какого-то момента, и просто вульгарными. Она растягивала половые губы так, что те, казалось, просто не выдержат и лопнут; выворачивала их наизнанку или же, запустив внутрь пальцы обеих рук, копошилась там, сортируя все свои внутренности; теребила, тёрла

нежную розовую плоть. Всё это уже сильно смахивало на малопривлекательный урок женской анатомии, однако доблестный представитель вооружённых сил задышался от восторга.

Постепенно музыка стала стихать. Вероника замерла. Она лежала, задрав ноги вверх и широко разведя их в стороны. Пизда была, как на ладони, даже губы раздвинулись, словно бы приглашая внутрь. Не выдержав, генерал устремил к заветному месту за неимением лучшего тощий трясущийся палец. Похотливо хихикнув, он принялся с наслаждением ковырять им в пизде. Давненько старик не получал такого удовольствия. На радостях он пустил слюни, и несколько здоровых капель, скатившись по ноздреватому, как апрельский снег, подбородку, упало Вике на живот.

Чуть переведя дух, генерал решил видоизменить тактику. Оставив одну руку между ног девушки, другой он стал ласкать её грудь. Впрочем, вряд ли это можно было назвать лаской. Бравый вояка оставлял после себя кровоподтёки, синяки, ссадины, а уж царапинам не было и числа. Жёлтые скрюченные пальцы с длинными грязными ногтями жадно терзали прекрасное женское тело, словно мстя ему за собственное уродство и немощь.

Свидание длилось с перерывами ещё около часа. Перед уходом генерал решил сняться с Викой на память. Он долго совещался с фотографом и, не в силах остановиться на чём-то одном, в конце концов решил сделать сразу три снимка. На первом Вероника, в грации и чулках, просто стояла с ним под руку (он был, конечно, при полном параде, даже фуражку нацепил). На втором она, уже в одних лишь чулках, полулежала, широко расставив ноги, на кровати, а генерал с видом удачливого охотника у убитой добычи раздвигал ей двумя пальцами пизду. И напоследок Вика запечатлели в её «коронной» позе: задрав одну ногу вертикально вверх и согнувшись пополам, она лижет пизду языком. Старик в данном случае просто сидел рядом, кося одним глазом в объектив.

Получив фотографии, «сын батрака» засеменил наконец восвояси, игриво подмигнув девушке на прощание. А та, взглянув на часы, начала поспешно приводить себя в порядок. До очередного визита оставалось около получаса.

* * *

В «доме любви», как напыщенно именовали заведение его завсегдатаи, на дух не переносившие куда более простого и понятного слова «бордель», Вероника находилась уже около года. Попала она сюда случайно и полагала сначала, что не задержится больше, чем на неделю-другую, потом решила остаться на месяц, потом — ещё на один.

А началось всё с того, что как-то раз в Пушкинском музее к ней подошёл незнакомец, с виду грузин, и, представившись фотографом, предложил ей за хорошие деньги поработать у него моделью. Вероника отказалась, но грузин не отставал. Наконец, лишь бы отвязаться, она согласилась записать его телефон: А где-то через месяц ей принесли обалденный набор французской косметики; цена, правда, кусалась — ломили ровно штуку, — но набор того стоил и, обзванивая в поисках денег подруг, Вика обнаружила этот телефон в записной книжке. Решила позвонить. С ней тут же договорились о встрече, и уже на следующий день, узнав, что ей нужны деньги, Боб (так звали её случайного знакомого) с наглой самоуверенностью диктовал ей свои условия. Он может дать ей штуку за неделю нагого позирования. Неделю её не будет в Москве, зато вернётся она домой со штукой в кармане: Нет, иначе нельзя, позировать придётся обнажённой. А чего, собственно говоря, она боится? У нас эти фотографии публиковаться не будут: И потом, ей ли стыдиться своего тела!

Уже вечером следующего дня у подъезда Вику ждал серебристый «Мерседес». За рулём сидел незнакомый толстяк. Завязав ей какой-то тряпкой глаза, он уложил её на заднее сиденье. Лишь после этого машина тронулась с места. Совсем как в дурном детективе.

Ехали часа два, не меньше. Сначала — по каким-то шумным магистралям (Вероника то и дело слышала звук пронесшихся мимо машин), потом свернули на куда более спокойное шоссе, а затем — на просёлок. Наконец машина вновь выехала на асфальт и вскоре остановилась. Вике развязали глаза.

— Выходи, козочка.

Было ещё достаточно светло. Девушка огляделась. Массивное, с небольшими окошками трёхэтажное кирпичное здание; пустынное, насквозь просматриваемое пространство небольшого парка; высокий бетонный забор (не хватает лишь колючей проволоки) и никаких признаков человеческого жилья вокруг. В свете меркнувшего дня всё это выглядело весьма зловеще. Веронике стало не по себе, она хотела что-то сказать, но толстяк уже тянул её за собой.

— Идём скорее, нас ждут.

Они вошли в дом. Здесь царил почти полный мрак. Толстяку это однако ничуть не мешало, ориентировался он в доме совершенно свободно и потому продолжал тащить Вику за собой не сбавляя темпа. Вдруг из темноты перед ними выросла человеческая фигура. От неожиданности Вика вскрикнула. — Это наш швейцар, — пояснил её спутник и, повернувшись к человеку в ливрее (позже она смогла убедиться, что это была самая настоящая ливрея), негромко добавил: — Передай, что мы здесь.

Фигура молча кивнула и удалилась, неслышно ступая мягким звериным шагом.

Толстяк потянул Вику куда-то вбок. Пройдя по скрывавшемуся за неприметной дверью коридору, они очутились в небольшой комнатке, служившей, как нетрудно было догадаться, медицинским кабинетом. Её спутник оказался врачом.

— Вот уж не думала, что предстать перед фотоаппаратом с голой задницей можно только по прохождению медосмотра, — иронично бросила Вика, снимая пиджак. С толстяком она почему-то сразу почувствовала себя совершенно свободно.

— Ты же будешь жить здесь какое-то время, пить, есть. А если у тебя сифилис?..

Тщательно осмотрев Вику, он хлопнул её по попке.

— Всё хоккей. Сейчас пойдём к Бобу: Кстати, если не секрет, где это он тебя подцепил?

— Не секрет. В музее изобразительных искусств: Была там одна выставка.

— Интеллектуальное знакомство значит?..

Вероника нарочито зевнула и потянулась за трусиками. Украдкой любовавшийся её телом толстяк поморщился, но ничего не сказал.

Выйдя из кабинета, они поднялись на третий этаж и постучали в какую-то дверь, за которой раздавались дикие взрывы хохота. Хохот смолк, дверь открылась, и Вика очутилась в душной, насквозь прокуренной комнате. Здесь её ждал Боб и ещё двое незнакомых мужчин. Все они были изрядно навеселе.

— Ну как пиздёнка? — ухмыльнулся Боб. — Нормально?

Говорил он, несмотря на свою кавказскую внешность, почти без акцента.

— Всё хоккей.

— Прекрасно, прекрасно, — Боб обвёл Вику сальным взором, потом встал, подошёл к ней. Некоторое время он молча изучал её в упор. Заглянул в глаза, поправил волосы, пощупал

грудь. Осталось только проверить зубы. Вероника представила, как его волосатые лапы копошатся у неё во рту. Бр-р.

Но Боба интересовали не зубы. Ощупав бёдра и живот, он забрался к Вике под юбку и принялся тискать девушку между ног.

— Что вы делаете?!... Что вы делаете! — испуганно шептала Вика.

Но Боб плевал на все её причитания и уверенно продолжал своё. Вероника закусил губу. Всё оборачивалось куда хуже, чем она полагала. К чёрту деньги. Теперь ей хотелось лишь смыться отсюда побыстрее.

— Вот что, детка, — Боб неожиданно изменил тон. — Расскажи-ка нам немного о себе. Биографию так сказать. Мы же всё-таки принимаем тебя на работу, — он усмехнулся. — Итак, зовут тебя Вероника, да?

— Да.

— Ну а фамилия твоя как? — Боб сложил руки на груди с видом Наполеона. — И будь так любезна, — в его голосе послышались металлические нотки, — говори громче.

— Зачем вам моя фамилия? — голос Вики заметно дрожал.

— Ну, детка, так не годится, — вновь нежным-пренежным голоском пропел Боб. — Вопросы здесь задаю я. — И, повернувшись к одному из парней, кивнул. — Дай-ка мне её сумочку.

Вероника инстинктивно прижала было сумочку к себе, но парень рванул её так, что оставил у неё в руках лишь с «мясом» вырванный ремешок.

Боб раскрыл сумочку, порылся в ней и достал паспорт.

— Вероника Лозняк, 1965-ого года рождения, русская, — нараспев прочитал он. — Прописана по адресу: Москва, улица Щербаковская: ну и так далее, — он убрал паспорт в ящик стола. — Ясненько. Вот видишь как всё просто, а ты боялась: Ну а теперь раздевайся.

— Отдайте паспорт, — жалобно протянула Вика.

— Нет уж, детка, паспорт твой полежит пока здесь. И не заставляй меня повторять дважды, я этого не люблю.

Вероника покорно сняла пиджак. Потом освободилась от блузки и начала расстёгивать лифчик. Через какое-то время он последовал вслед за пиджаком и блузкой, а выплеснувшиеся на свободу груди заколыхались в ритме медленного танго. В это время продолжающий рыться в сумочке Боб выудил оттуда её студенческий.

— Ты учишься в МГУ?

— Да, — теперь таиться было бессмысленно.

— Ясненько, ясненько. А на каком отделении? — Боб пытливо посмотрел на неё и, заметив, что она замешкалась с туфельками, добавил с издёвкой: — Я надеюсь, мои вопросы не помешают тебе раздеваться дальше.

— История искусств. — Сбросив туфельки, Вика принялась за юбку.

— Искусствовед? — Ребята переглянулись. — Что ж, это пикантно вдвойне.

Сняв юбку, Вика осталась в розовых прозрачных колготах и ажурных трусиках-бикини. Она принялась было за них, но Боб неожиданно остановил её.

— Хватит, хватит.

Вероника оторвала глаза от пола и посмотрела на Боба. Он встал с места, его кавказские, чуть бараньи глаза были налиты кровью, рот — полуоткрыт. Он подошёл к ней. Потные ладони потрепали её грудь, прошлись по стройному стану и затянутым в колготки ножкам. Потом скользнули чуть выше и, забравшись под трусы, принялись жадно лапать девушку.

Впившись в трусики с боков, Боб изо всех сил потянул их вверх. Медленно, со вкусом. Ажурная ткань натянулась, затрещала, но Боб не ослаблял хватки. Стянутые в жгут трусики впивались Веронике между ног, входили в пизду, разрезая её пополам. Наконец, когда боль была уже нестерпимой, раздался треск рвущегося материала: Два взмаха перочинным ножом и перерезана резинка, ещё кое-как удерживавшая трусики. Прошелестев меж ног своей хозяйки, они оказались в волосатых лапах Боба. Взгляды мужчин, как по мановению волшебной палочки, вперились в тёмный треугольничек волос, дразнивший их до тех пор из-под бикини. А по щекам Вики неудержимо катились горькие слёзы бессилия, боли и унижения.

Её швырнули на стол. Получив несколько хороших оплеух, она и не пробовала сопротивляться. Колготы были по-прежнему на ней, и она, пытаясь, по указанию Боба, сделать меж ног дырку, с отчаянностью обречённой царапала, тянула в стороны эластичный материал. Взоры мужчин жалили ей грудь, бёдра, живот. Не убранные со стола окурки, хлебные крошки, шелуха от семечек неприятно кололи голую спину, въедались в кожу: Наконец ей удалось зацепить ногтями шов и сделать небольшое отверстие, расширить которое уже не составляло труда.

Плотоядно поглядывая на распростёртое перед ним девичье тело, Боб влез на стол и расстегнул ширинку. У Вики перехватило дыхание. Не в силах больше наблюдать за всеми этими приготовлениями, она закрыла глаза. Само ожидание унижения превращалось в не меньшее унижение.

Пробороздив низ её живота, мужской член упёрся в наружные губы пизды, а затем ухнул со стоном внутрь. Вика ещё сильнее зажмурила глаза и закусила губу. В комнате воцарилась напряжённая тишина, нарушаемая лишь мерным поскрипыванием стола и кряканьем Боба. Секунды тянулись невыносимо медленно: Наконец Боб замер и, кое-как спустив, скатился с неё вниз. После него были его дружки, сначала один, потом второй. Первый, перед тем как вскарабкаться на стол, неторопливо затушил об её ляжку горящую сигарету. Прожгтя колготки, она оставила на белоснежной коже алое пятно ожога. Вероника вскрикнула от нестерпимой боли, но мужиков это почему-то очень развеселило, и все громко загоготали: Последним был толстяк, и завершил круговую снова Боб.

Вика лежала неподвижно, не открывая глаз. Казалось, всё её тело с ног до головы вымазано густой чёрной грязью. Она была противна самой себе. Отвращение и стыд нестерпимо давили на виски, заполняя их тупой бесформенной болью.

— Вставай, приехали, — донеслось откуда-то издалека. В первое мгновение Вероника не сообразила, что это относится к ней, и, лишь когда тот же ехидный голос прозвучал ещё раз, открыла глаза и приподнялась на своём импровизированном ложе. Мир рухнул, обезумел. Огненные колёса ламп буйствовали над головой, поверхность стола покачивалась, словно корабль на волнах, а вокруг, в пелене бьющего в нос пряного запаха мужского семени, неумолимо маячили физиономии её мучителей.

Постепенно однако окружающая действительность стала принимать менее фантазмагорический облик. Огненные колёса остановились и превратились в самые обыкновенные лампы, стол тоже перестал ходить ходуном, но вместе с ощущением реальности пришло и ощущение боли. Вика была разбита и морально, и физически. Опустошённая и подавленная, она сидела неподвижно, на зная, что делать. Прошло ещё Бог знает сколько времени, прежде чем ей пришло в голову одеться.

Она сползла со стола. Несколько шагов, которые пришлось сделать, оказались настоящей мукой для её истерзанного тела, но со стороны она выглядела, должно быть, очень смешно, ибо каждое её движение сопровождалось диким хохотом. Одежда была усыпана пеплом, а на лифчике красовалась смачная харкотина. Но Вероника не видела её. Нацепив лифчик, она долго пыталась застегнуть его дрожащими руками; потом, балансируя на одной ноге, стала лихорадочно натягивать туфельки, но перепутала ноги и в конце концов, потеряв равновесие, упала. Подняться вновь она уже не могла. Сложившись калачиком, Вика уткнулась лицом в колени и дала волю долго сдерживаемым слёзам.

А на следующий день ей предложили выйти к клиентам. Вика наотрез отказалась. Упрашивать её не стали. Всё было куда проще. Вечером к ней в комнату зашёл Вадик Надворный, тот самый, что ковырял накануне в её ляжке горящей сигаретой; правая рука Боба. Его сопровождали два молчаливых «шкафчика», центнера на полтора каждый. Они сдёрнули прикрывавшие её тело лохмотья и в таком виде, нагишом, отволокли, взяв под белы ручки, Веронику в подвал под домом. Там её уложили на некое подобие козел и крепко-накрепко привязали за руки и за ноги. В воздухе засвистели настоящие казацкие нагайки.

От первого же удара сердце чуть было не выскочило у неё из груди. Вика зашлась в диком душераздирающем крике, зарыдала в голос. Просвистела вторая нагайка, её вновь поддержала первая: Вика, как безумная, елозила голым животом по шершавой поверхности бревна, извиваясь в попытках избежать очередного удара; молила о пощаде, клялась сделать всё, что бы от неё ни потребовали, но «шкафчики» оставались глухи к её мольбам и с невозмутимым видом продолжали делать своё дело. Где-то на тридцатом ударе Вика потеряла сознание. Лишь тогда её развязали и, грубо скинув с козел, по-прежнему обнажённую, потащили за волосы обратно в комнату.

Поставив Веронику раком, Вадик с подручными неторопливо, со смаком отпиндюрили её в три смычка. При этом она, крепко-накрепко прикрученная верёвками к большому кожаному креслу, не могла даже пошевелиться, двинуть рукой или ногой, как-то избежать насилия, защитить себя: Но и это было ещё не всё. За этой троицей последовали клиенты дома. Они заходили в комнату по-одному, реже по-двое-трое, опускались возле неё на колени и, пользуясь её беспомощным состоянием, один за другим бесцеремонно овладевали ею, делали всё, что только могла подсказать им их распалённая фантазия. Вика не знала ни отдыха, ни передышки. Иногда она теряла сознание, но и в эти мгновения её ни на секунду не оставляли в покое.

Когда на следующий день Вику привели наконец к Бобу («аудиенция» проходила на том же столе, что и в прошлый раз), он встретил её самой радушной из всего своего арсенала улыбок. — Ну что, детка, решилась? — спросил Боб, забираясь на неё сверху.

Так Вика начала свою карьеру в заведении.

* * *

Вместо недели её заставили отработать ровно в два раза больше, без учёта, естественно, того дня, что она выстояла раком, привязанная к креслу. Сначала было трудно, неловко и стыдно; но постепенно с удивлением для себя Вика начала понимать, что это далеко не самый тягостный способ зарабатывания денег. К тому же при расчёте Боб как бы между прочим вытащил наборчик того же Диора, ради которого она и вляпалась в эту историю, только раза в два побольше и посolidнее. Для того чтобы заполучить его, к тем деньгам, что Вика уже

заработала, нужно было ещё пятьсот деревянных. Боб ненавязчиво объяснил, что она могла бы получить их за дополнительную неделю работы, и предложил подумать. Вероника подумала и согласилась. А когда и эта неделя была позади, всем девочкам принесли обалденные наборы белья «Victoria's Secret»: Между прочим Вика узнала и то, что получила она за свою работу вчетверо меньше в сравнении с тем, что имели бы на её месте другие девочки. Но если она пожелает остаться на более длительный срок, ей, конечно, будут платить как всем, по «кате» за клиента. Плюс, естественно, всё то, что ей удастся содрать с клиента сверх обычной платы. За годик-другой можно обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь.

Не говоря окончательно ни «да», ни «нет», Вероника решила остаться в заведении на месяц. Потом ещё на один, ещё: Прошёл уже почти год, а она так и не вернулась из своей «недельной» поездки за город и, честно говоря, не особо жалела об этом.

Выпроводив генерала, Вика похлебала кофейку, приняла душ, и, когда дверь её комнаты отворилась перед очередным клиентом, она, всё ещё нагая и мокрая, встретила его у порога, потрясающая в своей красоте. На губах её играла улыбка. Невинная и целомудренная: Март — август 1985 г. Правка: январь — май 1991 г.